

Роман Ли

Блудник

Роман Ли
Блудник

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ли Р. А.

Блудник / Р. А. Ли — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Блуд - смертный грех. Ласковая приманка от лукавого, которая ведет к капкану страданий, расстраивая душу. Ещё вчера, наслаждаясь каждым мгновением, сегодня окутан болью, рвущей на части сердце блудника.

Часть I
Глава I

Наконец-то я дома! Ехать еще минут двадцать, но чувство домашнего тепла уже сейчас переполняет сердце. Меня не было всего несколько месяцев, а я так истосковался. Кажется, будто целую вечность, я пробыл на чужой земле.

Станция «Алмазная» вот-вот покажется из-за терриконов, одиноко стоящих среди пустынных полей.

Пассажиры суетились, громко говорили, доставали сумки – значит подъезжаем. Я с вещами не спешил, просто спокойно наблюдал за людьми и сменяющимися пейзажами в пыльном окне плацкартного вагона.

День предвещал быть пасмурным. Небо заволокло серыми облаками, словно дымом. Осень – пора тусклых, коротких дней. Настроение было приподнятым, даже немного волнительным, будто кубики льда охладили желудок. Я еду домой! Что может быть лучше?! Улыбка вспыхнула на лице.

Нет лучше трущоб, чем родной город. Как, оказывается, важно ощущать себя дома, нечужим. Когда каждый уголок что-то напоминает, какое-то событие или приятную встречу. Когда знаешь, куда ведут большинство дорог. Ощущение безопасности, которое невозможно заменить, присуще только месту где родился. Даже невзирая на бедность и простоту, этот городок привлекает, как добрая крестьянка с кувшином парного молока. Да-а! В этом городе ничего нет, но там все, что у меня есть.

Поезд замедлил ход. Толпа двинулась к тамбуру, образуя плотную пробку. Через пару минут локомотив остановился. Дверь с лязгом распахнулась, и свежий воздух холодным потоком хлынул в лица. Мелкими шажками, люди переваливались с ноги на ногу как пингвины. Свежесть ноября почувствовалась и внутри вагона. Пассажиры медленно высыпались с выхода и разбрелись по перрону. Наша компания неспешно шла позади всех.

Улыбчивая проводница помогла деду спуститься по крутым ступенькам, поддерживая за руки. Поблагодарив ее, мы пожелали счастливой дороги, схватили сумки и направились к стоянке такси за вокзалом.

Станция в мгновение опустела, словно никого и не было. Лишь два дорожных работника в оранжевых жилетках вальяжно шли вдоль путей, растягивая сигареты и пуская клубы дыма.

Стоянка была пуста.

– Мам, я вызову, – сказал я, засунув руку в карман, и достал телефон. Через два гудка, девушка с приятным голосом приняла заказ.

– Ожидайте, машинка уже выехала.

Дорога оказалась тяжелой и изрядно нас вымотала. Лица выдавали усталость. Мы молчали. Ночь недосыпа наложила свой отпечаток. Каждый думал о своем, глядя куда-то вперед. Быстрее хотелось в квартиру, выпить горячего чая и принять ванну. Погода меняться не собиралась. Хмурое небо, словно обесцвечивало все вокруг, делая здания скучными и серыми. Мама переминалась с ноги на ногу, прикрывая зевоту. А дед стоял, как на посту, опершись на свою палочку, моргая мутными глазами. Минут через двадцать, со стороны переезда, показался красный автомобиль, стремительно двигаясь в нашу сторону. Водитель шустро сманеврировал и подъехал почти вплотную. Таксист поставил сумки в багажник, подождал, пока усадим слепого деда и шины зашумели от мелких камешков на асфальте.

Домой!

Знакомая дорога наращивала теплоту в груди. Минули переезд, на этот раз не пришлось стоять около шлагбаума. Круговое движение, поворот направо. Мимо вагон завода, мимо седьмого цеха, где работает мама. Направо, совхоз, за лесом пожелтевших камышей видно потрескавшееся дно пересохшей «Глинки». Еще один переезд, высокие каменные буквы «Брянка»,

выкрашенные черным. Остановка ниже микро, с которой я пять лет ездил в университет. Направо, безупречная дорога протянулась до 52-го дома. Эта полоса пятисотметрового идеально-ровного куска асфальта располагается здесь, потому что подъезд мэра города, выходит именно на этот участок. Налево, решетки детского сада, в который я резко перестал ходить по неизвестным причинам. Сразу направо, разбитая дорога, мусорные баки, дом 50, второй подъезд. Приехали. Экскурс окончен. Две зеленые двадчатки удовлетворили таксиста. На сегодня путешествия закончились.

Щелкнула дверь, и мы ввалились как голодные родственники. Наконец прибыли, и все как один тяжело выдохнули. Фу-х. Черный хозяин, давно дожидался гостей, сидя на тумбочке в прихожей. Большой, весом в шесть килограммов, круглый, как бочка, любимец всей семьи и мой талисман по гороскопу – кот Барсик. Его хмурый взгляд казался совсем не приветливым, а скорее осуждающий, что нас так долго не было. Он внимательно исследовал каждую сумку. Обнюхивая и шевеля черными усами, кот запрыгнул в красную торбу, и только торчали пирамидки ушей. Барсик осторожно выглядывал, словно из засады. А потом резко выскочил из своего убежища, подкидывая задние лапы и изгибая спину дугой.

Семья в полном составе. Утро, 18 ноября, наступило в любимой квартире. Дед сейчас попросит «маленькую» за приезд и начнет кого-нибудь обсуждать. Мама, что-то перебирая в кошельке, как всегда в задумчивом образе, наверное, строит десятки планов. Лица стали расслабленные и умиротворенные домашним уютom.

Серый дневной свет, заполнил две небольшие комнаты. Чувствовалась прохлада, но вскоре, загудел котел привычным гууу, как стиральная машина, и воздух стал нагреваться. Сладкий, горячий чай согрел окончательно. Уютное гнездышко снова ожило. Кот продолжал заигрывающее подсматривать из-за проема и пробуксовывал на месте в попытке убежать, когда его замечали или называли по имени.

Дом и родные – самое главное, подумал я. Хочется верить, что так будет всегда, просто и понятно. Все будут здоровы и никогда не умрут.

Глава 2

– Ром привет, – прозвучал знакомый голос в трубке. – Можешь денег немного занять? Я зарплату получу и сразу отдам, – прямо заявила девушка на том конце провода.

–Привет Юль! Тебе сколько надо?

Словно раздумывая, возникла небольшая пауза. И она ответила:

– Гривен сто.

Просьба немного напрягла. Не люблю давать в долг. В займы обычно просят не благонадежные люди, по крайней мере, чаще всего.

Когда-то этот дивный голос заставлял трепетать и подчинял, как гипноз. Отрывки воспоминаний вспыхнули отдельными кадрами. Я смягчился.

–Хорошо, займу, только давай завтра.

За окном давно царствовала ночь. Свет из квартир освещал козырьки подъездов, и тускло падал на дорогу. Стрелка часов близилась к десяти. Я бесшумно зевнул, отводя трубку в сторону.

– Нет Ром, мне сейчас нужно, – настаивала она, как будто, я у нее занял и должен вернуть долг сейчас же.

– Что за срочность? Случилось чего? Ночь уже, – упирался я. Мне страшно не хотелось выходить.

– Ничего не случилось, просто очень нужно. Ну, пожалуйста, – упрашивала Юлька.

Всегда поражала ее настырность и уверенность в своей наглости. Так искусно владела этим даром, что я не мог отказать и сдавался. Впрочем, как всегда.

– Ладно. Только сама приходи.

– Спасибоочки, скоро буду.

Вот прищепилась, пусть сама идет ночью, если сильно надо. Мне все равно.

Я однажды чуть с ума не сошел от Юлькиных духов и головокружительно возбуждающих губ. Я был на грани безумства, придя к ней на новый год с температурой тридцать девять. Но жертвы не напрасны, именно в ту ночь меня наградили поцелуем, от которого я был готов поклясться, что люблю эту девушку.

Коричневый портмоне обеднел на одну новенькую купюру, которая захрустела в руках. Мама, увидев эту картину, вопросительно осмотрела деньги, потом перевела взгляд на меня, будто спрашивая, что ты собрался делать.

– Юлька попросила занять. Мам, ты только не беспокойся, она вернет, – сразу начинал успокаивать, уловив нотку волнения.

– Ты сам знаешь эту Юлю, – с пренебрежением сказала мама, – она непутевая, – и недовольно стрельнула глазами, поджав губы.

Сложно спорить с человеком, который прав, тем более, если это родная мама. Непутевая, наглая и бессовестная, знаю. Особенно после того, как в канун дня рождения, пьяная целовалась в засос с моим лохматым соседом. Но грезы прошлых воспоминаний и проклятая безотказность распорядились за меня. Она ж мне нравится зараза! И тот запах духов, словно навсегда пропитал память.

Звонок.

Схватил телефон, другой рукой пачку сигарет.

– Ты пришла уже что ли?

– Ага. Выходи, мы возле последнего подъезда.

– Пару минут погоди.

Ускорившись, накинул легкую куртку с капюшоном и вылетел за дверь. На ходу застегнулся. *С кем это она, наверное, с Ситой.* Сита – Саня, парень Юльки и мой знакомый детства.

Ночной мрак поглощал пятиэтажные дома. Пахло морозной свежестью. Звезды, как бледные лампочки, рассыпались в гирлянде. Два силуэта слабо просматривались в конце дома. Желтый, обшарпанный гараж был на месте. Еле различимые фигуры двигались на встречу, а когда заметили меня, остановились. Сита выделялся высоким ростом и светлыми волосами. Юлька на его фоне выглядела коротышкой. Кремовая куртка с каким-то механическим узором стягивала талию. Белые как у скейтеров кроссовки увеличивали ступню. Обтягивающие черные штаны подчеркивали мощные ноги, которые были хорошо знакомы моим рукам. Искусственно рыжие пряди свисали ниже плеч.

– Привет Ромчик, – Сита протянул длинную, худую руку.

Юлька стрельнула глазами. Я поздоровался в ответ. В темноте было видно, что ее лицо растянуто в улыбке.

– Как дела? К чему такая спешка? – поинтересовался я.

По их безмятежным лицам нельзя было сказать, что они испытывали проблемы. Выглядели жизнерадостно, улыбались как туристы, казалось, забот для таких людей не существовало.

– Что у вас случилось? – глядя на их веселые лица, радостно спросил я, заражаясь беспричинной улыбкой.

– Блин, курить даже нечего, – это было сказано так, словно он пару дней не ел, а теперь просит на пропитание. – Пошли с нами в магазин, заодно и поболтаем, давно ж не виделись, – предложил Сита.

Идти совершенно не хотелось, но и домой спешить не к чему. Едва уловимая туманная дымка, словно серебрила воздух и придавала оттенок мистицизма молчаливой ночи. Свет из окон, пятнами ложился на дорогу.

– Пойдемте, – мы развернулись и двинулись к началу дома, вступая все глубже во мрак неосвященных улиц. Я угостил моих спутников по сигаретке. Красные точки, как маячки перемещались в темном пространстве.

– Давно приехал? – спросил Сита.

– Вчера утром.

– Что делал? Ты ж в России был? – затынулся Саня.

– Ну да, там. Работать пытался. А ты, Юль, как, – переключился я, – все там же в магазинчике?

Она с радостной, но какой-то глупой улыбкой ответила:

– А где мне еще быть?! Все там же.

Юлька с Ситой, казались совсем разными людьми. Он высокий как шпала, она ниже его на две головы. Он спокойный как удав, она же совершенно непредсказуемая в своих действиях.

Интересно, а Саня знает, что я был у него дома и валялся на кровати.

Через минут десять, Сита уже платил за два литра пива, чипсы и сигареты. Сотка как раз перекрывала нестерпимую нужду. В остатке зазвенела мелочь. А еще через пять минут расположились на лавке около девятиэтажного дома, где я провел, наверное, самые лучшие часы своей жизни. Казалось совсем недавно, был тот новый год, когда Юлька с пирсингом на нижней губе, дарил памятный поцелуй.

– А ты Саня, чем занимаешься? Я слышал, что в Сочи.

– Да, так и есть, с батей работаю. Мы высоковольтные кабеля прокладываем.

Крышка бутылки хрустнула, шикнув газами. Пивной аромат ударил в нос. Сита сделал пару глотков и закурил.

– Как ты вообще туда попал? Чтоб нормально устроиться, нужны документы.

– Правильно, – махнул он белой гривой волос. – Я же гражданин России, – он говорил с таким спокойствием, словно объяснял ребенку что хорошо, а что плохо.

– Да? Я думал, ты украинец, ведь и учился тут и жил.

– Но родился в России.

– Теперь понятно. Тогда тебе легко можно отсюда уехать. По крайней мере, в России всегда можно найти работу.

Юлька потянулась к пластиковой бутылке и отхлебнула.

– Будешь? – предложила она пиво.

– Нее, спасибо Юль.

Она выпустила струю дыма и дернула плечами вверх, словно говоря «ну, как хочешь».

Разговор вился вяло, даже несколько вынужденно. Не было того ощущения присущего людям близким, отсутствовала заинтересованность. Говорили потому, что так принято и не более. С этим пивом, они показались какими-то несчастными и серыми. А Юлька в особенности, выглядела отталкивающе, словно утратила ту искорку, которую я так любил. В лице было что-то огрубевшее, безразличное. Их глаза пусты, без единой тени мысли. Это были чужие люди друг другу. Может, потому что давно вместе, или напротив, из-за длительных командировок Сани.

В общем, пиво все испортило. Если бы их привел ко мне голод, я выглядел бы спасителем. А так моя добродетель рассыпалась как спички.

– Давайте, наверное, расходиться, что-то холодно.

Я поежился, мурашки от спины растеклись по ручейку позвоночника к ногам.

– Мы же собирались фильм посмотреть, – повернулся Сита к рыжеволосой девушке. – Я чипсы специально не раскрывал, – словно с заботой сказал он.

– Ну, мы еще покурим и пойдем, – сказала Юлька.

– Ладно. Рад был встречи. Вы, если что, звоните, пройдемся, поболтаем.

Таких встреч раз в год даже много.

– Всего хорошего вам.

– Пока.

Мы попросились и я удалился. Дорога домой, примерно в семь минут ходьбы, всегда расслабляла. Смоляной небосвод как «Квадрат Малевича», рождал бесконечное количество мыслей. Было приятно идти и безмятежно мечтать, поглядывая на частичку космоса, как астрономом.

Чуть не забыл. Я же должен позвонить Машке. Обещал.

Машка – навязчивая до сумасшествия подруга. С глуповатым видом и крикливым голосом, как доярка в коровнике. Она гордится тем, что очень вредная и часто об этом упоминала, словно подчеркивая свою особенность. Довольно хорошую фигуру она утратила, как окончила школу, поэтому сейчас билась над похудением. Во всяком случае, она так говорила. Ее любимыми темами было обсуждение кого-либо. Да и не важно, кто попадет в Машкино поле зрения. Она просто получала блаженство, унижая кого-нибудь за спиной. Еще одним достоянием у Машки были блондинистые волосы, которые она никогда не красила. Но, откровенно говоря, вид у них был немного растрепанный, словно несколько раз на них наезжала машина. Она сильно выручила после армии, ну а я – её! О чем теперь жалею. После того события, через день, мне пришлось уехать в Россию работать, а Маша осталась одна. Точнее, так и продолжала жить с парнем, которого многократно мешала с грязью и преподносила эту смесь мне. Тем самым вызывая к своей особе жалость. Не потому что у нее не клеилось в личной жизни, а потому что она не видела своих моральных недостатков.

Закон несчастья прост: Злой человек – несчастный человек, но не наоборот. Есть люди, которые всегда недовольны и не важно, что произошло. Это патология или плохо вырабатывается эндорфин. Иногда казалось, я ощущаю волну ненависти и раздражения, когда Машка кого-то клянет. Словно обливают водой, которой только что помыли полы.

Не смотря на массу противоречий, мужское голодание (если можно так выразиться) владело, и я затащил Машку в паучьи сети. Хотя, думаю, все было наоборот. И после того момента когда я уехал, от Машки сыпались письма в сети, как в первой части о Гарри Потере, шокируя содержанием и размерами в школьное сочинение.

Любовь штука сильная, но острая, как шипы, Машка и укололась. Скорее всего, это от одиночества. В общем, был я другом, а стал потенциальным мужем. Кстати, тут открылась еще одна сторона – Мария очень впечатлительный и ранимый человек. За маской стервы, пряталось нежное создание, с такими же потребностями, как все.

Сложно смотреть в глаза человеку, который сыпет любовными признаниями, горит и трепещет. В такие моменты совесть душит от чувства необходимой взаимности. Возникает ощущение, будто провинился в крупных масштабах, когда не можешь ответить взаимностью. Становится мерзко, как в болоте с квакающими жабами.

Вчера, мы виделись. Встреча получилась далеко не дружеская, а сегодня, уверен, Машка хочет продолжения. Впереди выходные, девочка разгулялась. Пошла с работниками пить пиво, расслабиться после трудовой, четырехдневной смены. Супермаркет АТБ, в котором она работает, находится недалеко, можно сказать в центре нашего района. Машка там кассир.

Мысли рассеялись как утренний туман, когда я уже стоял напротив серой двери с кованой окантовкой. Вошел. Теплый уют квартиры обнял и, не выдержав широко зевнул. Время близилось к полуночи. Нужно позвонить Машке, чтобы она от меня отстала, и лечь спать.

Чайник вскипел, пока раздевался. Кипяток закрутил заварку, набирая черно-коричневый цвет. Парящая чашка согрела руки и немного отогнала сон.

Самый первый номер во входящих. Звоню. Гудок растянуто гукнул. Трубку взяли почти сразу. Энергичный голос зашкаливал радостью. Задний фон заполняли громкие разговоры и игривый женский смех.

– Ромочка, ты еще не спишь? – с материнской заботой пропела Машка.

– Нет, но собираюсь, – старался скрыть безразличие и снова рот растянулся в бесшумном зевке. – Как у вас дела, домой не собираетесь?

– Ты беспокоишься? – с приторной нежностью спросила она. – Все хорошо Ромочка, мы скоро расходимся.

Да я спокоен, только чай остывает.

– Тут соседка твоя трубку вырывает, – продолжала Маша.

– Какая соседка...?

– Соседка по тридцать третьему... Она тебе сама расскажет какая, – в трубке зашуршало. Легкое волнение сжало живот.

– Привет, сосед!

Голос незнакомки звучал твердо, даже немного величественно, и одновременно сладко и женственно.

– Доброй ночи, – губы расплзлись в улыбке. – Значит вы моя соседка? Любопытно. Меня зовут Рома. Рад знакомству.

– А меня Катя. Взаимно. Приходи к нам, познакомимся поближе – уверенность в словах загадочной дамы, пробивала насквозь, но ее не хватило, чтобы заставить меня снова одеться.

– Не в этот раз.

– Да ладно тебе, тут одни девчонки. Или ты боишься?

Клянусь Богом, она давила на меня. Интерес, как вирус проникал глубже и глубже. Но я парировал, не поддавался на провокацию. И старался ответить как можно изысканнее.

– Прошу меня простить. Будет крайне не прилично, если среди ночи, явлюсь к вам в нижнем белье, – тщательно подбирая слова, отшучивался я.

Ей понравилось, как я выкрутился. Но она и не думала отступить, а продолжала гнуть свою линию, перестав смеяться.

– Тогда пригласи по-соседски на чай.

– Да легко. Приходите с Марьей, и попьем, – про Машку только сейчас вспомнил. – Просто маленьким мальчикам пора спать, вы же все сами понимаете, – продолжал я заигрывать. – Предлагаю завтра, часов в семь.

Они перешептывались пару секунд.

– Хорошо, тогда до завтра сосед. Была рада познакомиться.

– Взаимно соседка и спокойной ночи. Будьте осторожны с алкоголем.

В трубке снова зашуршало. Голос сменился.

– Ромочка, жди нас завтра, – сказала Машка.

– Долго не гуляй. Поздно ведь, – с поддельной заботой сказал я.

– Не волнуйся, все будет хорошо, меня проведут.

Прям камень с души, не удержал колючей мысли.

– Спокойной ночи. Я уже наполовину сплю.

– Высыпайся. Спокойной ночи. Приятных снов. Целую.

– Пока, пока, – и выключил телефон.

Наконец отделался, проговорил про себя. Кажется, она что-то задумала и подружку подговорила. Может, хочет повлиять на меня. Придут и начнут рассказывать, какая Маша хорошая, умница, не красавица, но сойдет. Еще и несчастная, нужно спасать пламенной любовью. Мысли липким потоком ползли в голову. Очень даже в Машкином духе, привлечь подружку в поддержку. Наверное, и та такая же неуравновешенная. Дом-2 ей Богу. Может она и Собчак пригласила?!

Мягкий диван быстро расслабил. Про Машку почти сразу забыл, а соседка не выходила из головы. Сама напросилась на чай, ну и наглость, думал я. Завтра меня ждет сюрприз. Смутно представляя образ загадочной Кати, я уснул.

Глава 3

Солнечных дней поздней осенью ужасно мало. Будни цвета потертого серебра, слабо веселят. Двадцатое ноября не исключение, такой же тучный, грустный денек ничем не отличающийся от других. Я с нетерпением ждал вечера. Любопытство разъедало. Мысленно представлял, как буду себя вести, с чего начну беседу, на какие темы стану говорить. Пощипывало легкое волнение, как перед экзаменом.

В России у меня была ограниченная жизнь – деревня, осень, стройка. Молодежи почти нет, да вообще людей. Три месяца там, как полгода в армии, еще столько же и можно считать, что демобилизовался. Но на родине с первых дней все красочнее.

Сегодня будет вечер с двумя девушками. Машка цветет от радости. В любом случае лучше чем, сидеть дома в одиночку. Насиделся уже и в армии и в деревне.

Тренировки прошли на высшем уровне, куча народу, движение. Наша постоянная компания из трех человек, немного раскачала тяжелые железяки. Вот она жизнь, подумал я, в этом маленьком городке есть все, что нужно. Мы всегда уходим отсюда с хорошим настроением и распухшими мышцами.

От спортзала я отвык. Бег – лучшая альтернатива, и совершенно бесплатно, а тягать штанги ходил исключительно для смены обстановки. Удобное место для встреч и разговоров. Сегодня мы от души повеселились. Смеялся, рассказывал им, что уровень растет и свидания теперь сразу с двумя девчонками.

Тренировки подняли тонус, хотелось веселиться и наслаждаться жизнью. Космическая темнота давно укрыла черной мантией. Городок буквально исчез во мраке. До семи оставалось около часа. Улыбка отпечаталась словно штамп. Я чувствовал себя на высшем уровне, по-настоящему счастливым.

Подготовка к свиданию не заняла много времени. В шесть тридцать был готов. Черная обтягивающая футболка, спортивные штаны, здоровые G-SHOCKи на правой руке, подчеркивали спортивный стиль. Бритая голова и небритая щетина выглядели немного дико. Три прыска парфюма и Дон Жуан к вашим услугам.

На квартиру тридцать третьего я прибыл вовремя, даже раньше. Перед тем как войти, внимательно послушал, что творится у соседей. Серая дверь налево с двумя золотистыми пятерками, принадлежала новой знакомой, а моя 56-я – прямо. Так близко подруг еще не было. Я вошел внутрь. Пустотелая дверь лязгнула, как большая консервная банка.

Набрал воду в электрочайник, который год как течет. Поправил подушки, приготовил чашки. Модные хиты заиграли на стареньком телевизоре. Идите мои цыпочки, глумливо подумал я и потер ладони.

Однокомнатная квартира, несмотря на незаконченный ремонт, была уютным пристанищем в любое время. Атмосфера здесь всегда располагающая, радостная и благоприятная.

В нетерпении, я расхаживал по квартире, оценивая, что еще необходимо убрать. На момент ремонта, вся кухонная мебель складировалась в зале около стены. В принципе ничему не мешая, но как-то уж часто обращала на себя внимание. Лампочка без люстры давно стала привычным делом. Но, несмотря на это, ковер на стене и золотистые шторы создавали теплоту и покой.

Несколько раз выходил на балкон. Пачка синего «Camel» возникла из кармана. Пламя зажигалки облизало табак, и серый дым поплыл вверх, сизыми облаками.

Последняя струя дыма вышла в темноту, оставив во рту горечь. Красный светлячок окурка выбил искры о землю. Баф, баф, баф. Входная дверь содрогнулась вместе с сердцем. Живот словно набрался холодной воды, но тут же успокоился. Пришли.

Я открыл. На фоне подъездной темноты, улыбка Машки ослепляла, словно она выиграла миллион.

– Здравствуй, дорогая, – улыбаясь в ответ, жестом пригласил войти, – а где вторая?

– Я вот, – послышался голос справа от меня. – Сейчас покурю и войду.

Я выглянул за дверь. За стеной пристально наблюдали два сверкающих, как бриллианты глаза.

– Привет, соседка. Заходите, докуришь у меня.

На секунду мы уперлись друг в друга взглядами. Она смотрела как величественная пантера.

Девчонки переступили порог. Катя озиралась по сторонам. Свет коридорной лампочки озарил гостей. Белокурая с длинными волосами Машка, словно русалка, застенчиво постреливала глазками. Пышные формы добавляли ей возраста. Соседка, наоборот, больше походила на подростка и ростом, и сложением. Черные волосы стекали на плечи, прикрывая шею. Она была ниже Машки на голову. Разведенные, немного выпуклые плечи говорили о спортивном прошлом. Серые, обтягивающие штаны подчеркивали крепкие ноги и упругие ягодички.

– Пойдем к балкону, там докурим, – рукой махнув на кухню, сказал я, пропуская девушек вперед, рассматривая низ спины ново вошедшей.

– Я ваш сосед, приятно познакомиться.

Подкуривая сигарету, пристально смотрел в глаза. Клубы дыма хлынули в приоткрытую дверь балкона. Нежная, но высокомерная улыбка просияла в знак приветствия.

– Мне тоже приятно, сосед.

– Странно, что раньше не встречались. Вроде на одной площадке живем.

Машки не существовало в тот момент, наверное, ничего не существовало. Я окунулся в ее глаза, того же цвета что и волосы, переводя взгляд ниже: к маленькой груди, подтянутому животу, привлекательным бедрам. Я изучал ее, не стыдясь, что она это прекрасно видит. И почему ей не пришло в голову, прийти одной?! Деловитым видом она словно дразнила. Интерес вспыхнул как порох, искрясь фейерверками по всему телу. Я почувствовал огромный прилив энергии, словно всесильный Геркулес.

Она будет моей. Только моей.

– Идемте пить чай, только не смущайтесь беспорядка.

Провел гостей в зал. Усадил их за стол рядом друг с другом, а сам сел с торца лицом к ним.

– Как провели вчерашний вечер?

– Нормально. Мы не долго, почти сразу разошлись после того, как тебе позвонили, – Машка радостно улыбалась.

– Ты же не захотел приходить, – включилась соседка.

– Зато сегодня, вы уже у меня.

На моей территории.

– Лучше расскажите про вашу работу. Что делаете? Тяжело вам? – я немного сполз со стула.

– Конечно, тяжело, хоть и не кажется, на первый взгляд. Маша вообще бедная, терпит, она работает в овощном отделе, самом тяжелом, – с вызовом пояснила Катя.

– Мы же не только на кассе сидим. Еще отделы затариваем, – продолжила Машка.

– А грузчики? Разве они не должны помогать?

Одновременно их лица пренебрежительно скривились.

– О чем ты говоришь? Кто там помогает?!

– Неужели им не жалко глядеть, как вы корячитесь? – возмутился я.

– Просто мужиков нормальных нет, – Машка словно прыснула ядом, в своей раздражительной манере.

Может грузчиком пойти работать, помог бы им. Теперь знакомые есть, и устроиться помогут, размышлял я. Все равно работу искать.

– Давай, я буду вам помогать?

Они оживились.

– Было бы классно. К нам в смену пойдешь, – Катя отпила из чашки.

Такому вечеру не помешало бы немного выпивки.

– Кстати, если хотите у меня есть напиток покрепче. Тост за знакомство уже есть.

В их лицах читалось согласие. Они лишь улыбались, и застенчиво поджимали плечики.

– Предупреждаю сразу, у меня только беленькая.

Но их совсем не смутил такой поворот.

В тумбочке под телевизором, стояла запечатанная бутылка водки. Осталась с проводов, ждала моего возвращения.

– А закусывать чем? – одновременно спросили гости.

– Кроме печенья, ничего нет, – сказал и развел руками.

Хотя я и понимал, что предложение с водкой и печеньем звучит глупо и несуразно, но мне показалось, это добавит красок в общении.

Вечер начинал правильное развитие. Разговоры оживленно текли без перерыва. Машка испепеляюще гладела, а я словно этого не замечая, косился на соседку.

– Маш, ты не знаешь, зарплата не пришла? – звонко и четко выговорила Катя. Но немного поразмыслив, сообщила, – стоп, у меня вроде остаток на карточке, – как бы ответила сама себе. – Не хочется, конечно, но придется посетить «любимую» работу, – тут же встала и начала собираться.

– Куда это ты? – спросил я.

– Мы же не будем пить просто водку! Пойду куплю что-нибудь, – и натянула куртку.

– Тогда пошли вместе. На улице темень, а ты одна, – предложил я.

– Мне не привыкать по темноте ходить, – заявила она высокомерно.

– Не сомневаюсь, но настаиваю. Заодно покурим.

Смысла упираться не было, я видел, что она хочет пойти вместе.

Все попытки заглянуть в темные глаза Кати заканчивались тщетно. Она все время отворачивалась. Не из-за застенчивости, а будто, что-то её тяготило. Но мне удалось поймать короткий, как вспышка взгляд перед самым выходом в магазин. Я тут же почувствовал какую-то горячую связь. Слепое, неразумное желание обладать эти человеком.

– Маш, а ты телек посмотри. Мы быстро, – сказал я, на ходу накинул куртку и вышел вслед за Катей.

Пришлось немного подождать, пока соседка переоденется. Пальцы непроизвольно перебирали четки в кармане. Лицо пылало, несмотря на холод в подъезде.

Мы вышли.

Безмятежный покой. Морозная прохлада словно ласкала. Воздух казался кристально чистым, как в сосновом лесу. Он будто растекался при каждом вдохе. Небо, усеянное яркими точками, открывало чудесный вид. Тишина мягко ложилась на слух. Вдали послышался рокот проезжей машины. Мы скользнули между домами по узкой дорожке. Она шла впереди, а я улавливал сладковатый запах парфюма.

– Давно работаешь в АТБ?

– С апреля, – она достала сигарету и подожгла.

– Почему я раньше тебя не видел?

– Не знаю. Я в Луганске работала, – не поворачиваясь, рассказывала она.

Большие буквы супермаркета освещали половину улицы. Возле входа, почти непрерывно двигались покупатели. Несмотря на позднее время, скейтеры клацали досками. Возле урны, расслабленно пыхтел сигаретой пожилой мужичек. Затемненные, грязные стекла витрин быв-

шего универмага, отражали наши плывущие силуэты. Выбоины на дорогах стали видны и мы уверенно их перепрыгивали. Яркая дневная лампа на крыше парадного входа осветила наши лица.

Я распахнул дверь и как джентльмен пригласил войти. Неспешно, словно любуясь собственным видом, Катя вошла, хитро улыбаясь, я как персональный охранник сопровождал сзади. Она уверенно вела мимо стеллажей. Минули кондитерский отдел, повернули направо и остановились около мясной продукции. Копчености нещадно манили аппетитным запахом. Катя схватила приличный кусок грудинки и стала что-то внимательно изучать.

– Если взять по уценке, то выйдет дешевле, – пояснила Катя.

– Как это по уценке?

– Например, остается пару дней до срока годности, товар уценят. Как бы делают скидку. Сначала на тридцать процентов, потом на шестьдесят, но это редко. Обычно управляющая устанавливает максимальную уценку – она любит копчености.

Через несколько минут в корзинке появился кусок сыра, немного корейки, нарезной хлеб и фруктовый десерт из бананов и яблок. Мы прошли через лабиринт отделов к кассам.

Денег у меня не было, поэтому Катя платила сама. Кажется, она и не думала, что будет по-другому. Ощущение некоторой несостоятельности подтачивало самолюбие. Было как-то унижительно, что расплачивается девушка.

Срочно нужна работа.

Мы вышли на улицу. За пределами освещения, покоился маленький, погруженный во тьму город. Словно голые кисточки винограда, покачивались верхушки тополей на фоне звездного неба.

На обратном пути, возле автобусной остановки «Молодежный», шумно гоготала компания. В полусогнутых руках торчали бутылки пива, красные угольки сигарет хаотично мерцали. Смех заполнял тихие, пустынные улицы.

Пакет с синими буквами АТБ раскачивался в правой руке. Я также шел позади соседки, не переставая ее рассматривать. Игривая походка придавала грации упругому телу. Ее движения разжигали вождение и страсть. Сердце начинало ускоренно барабанить. На мгновения я забыл, куда мы идем и зачем.

Показалась раскидистая ива, скрывающая угол дома номер 33. Тропинка свернула на пол-оборота вправо, по диагонали через двор прямо к четвертому подъезду, черный зев которого, поглотил наши фигуры. Грохот железной двери раскатился по лестничным клеткам.

Грызущим звуком, ключ вонзился в замок и отворил его. Машка лежала на диване и щелкала каналы. Она не сразу услышала, что мы пришли. Только после того, как начали снимать обувь, она вскочила:

– Это вы? Почему так долго? – недовольно спросила она, сонно потирая глаза.

Мы ответили, что недолго и начали накрывать на стол. Девчонки порезали сыр и корейку, веером разложив по тарелкам. Фруктовую нарезку подвинул ближе к себе. Пол-литровая, кристально прозрачная жидкость заняла центр стола. Я достал две стопки из серванта.

– Не поняла! – подняла брови Катя. – Почему две?

Рисовалось недоумение на девчачьих лицах.

– Дорогие мои гости, я не пью, – в манере дворянина ответил я.

– Даже ради знакомства?

– Извините, нечего не могу поделаться. За знакомство, съем яблоко. – И улыбаясь, продолжил, – Давайте вам налью?

Повисло ощущение непонимания. Девчонки поглядывали на меня, словно я какой-то странный.

– Только немного, – одновременно решились подруги.

– Вы мне пьяные не нужны, еще буяннить начнете.

Горькая вода, булькая, текла мерной струйкой, наполняя рюмки.

Мерзко видеть девушку в руках с рюмкой. А зачем тогда им предлагал?

Вечер незаметно летел. Разговоры били ключом, затрагивая разные сферы жизни. Много интересного болтала симпатичная соседка. Маленькая девчушка с твердым характером обладала весьма сильным обаянием. В разгар застолья я совсем перестал обращать внимание на Машу, нагло сверля глазами раскрасневшуюся Катю.

Чаще всего в такие моменты, традиционно обсуждают тему отношений. Машка резко вспыхнула, словно пронзенная болью. Ей не везло в личной жизни с Тимофеем, как она говорила. И не упуская возможность пожаловаться, Маша поведала о своих несчастьях, заводясь с каждым словом от возмущения и накопившихся обид, пока совсем не перешла на крик.

Машка винила во всем Тиму, который не мужик, который не обращает на нее внимания и давно уже променял на компьютер и пиво, тряпка и алкаш в придачу. Но она даже не догадывается, что через два года, этот алкаш станет отцом ее ребенка.

Сбивчивый рассказ явно вывел Машу из себя, она теряла контроль. Раздражение и недовольство захлестывало до самой глубины души. Глаза увлажнились, лицо побагровело, еще мгновение и истерики не миновать.

Мы умилялись, слушая страдальческую Машкину песню. Мне нравилось знать, что я не на ее месте. Я фактически веселился чужому горю, переглядываясь с соседкой. Я обожал давать дурацкие советы с серьезным видом, надсмехаясь над ущербной подругой. Я не отрываясь, изучал кассиршу, как картину в музее. Больше и больше погружаясь в грезы.

– Да, – протянула Машка, – мужиков нет! – Как из пушки, пальнула она, закончив эмоциональную тираду. Отчаянно склонила голову, и словно взывая к поддержке, исподлобья глядела на меня.

Я, как демон, втягивал страдания и печаль бедной Машки, наслаждаясь, как вампир кровью, как вороны клюющие жертву, лакомятся плотью. Возвышаясь над раненной подругой, я видел тень усмешки на лице соседки.

– Я вот понимаю – мужик! Взял свою бабу одел, обул, без лишних слов, – поддерживала Катя. – Мой муж тоже днями сидел в компьютере, а я пахала, как лошадь. Он бухает, а я работаю без выходных. Думаешь не обидно?

– Почему он не работал? – спросил я.

– Сначала все было хорошо, он работал. Мы даже занимались небольшим бизнесом, но его легкомысленность сыграла злую шутку. И в один прекрасный момент, из-за этого пришлось продать машину. Короче, с работой у него не ладилось, и я решила взять все в свои руки. Кстати, как раз родился Макс, тогда муж сидел с ребенком, пока я зарабатывала.

– Хм... По-моему должно быть наоборот. Тебе не кажется?

Рассказ имел затуманенный оттенок. Словно все происходило в дыму, с комментариями человека, который якобы там бывал.

– Что остается если он не в состоянии позаботиться о семье? А у меня лучше получается пробиваться.

Катя говорила так, словно мужчина это она.

Некоторое время я сидел в недоумении, пытался сложить картину. Что-то здесь было не так. Не раз я видел этого парня – ее мужа. Алкаша и наркомана сразу видно, а этот нормальный, опрятный. Машка тоже, сидит, жалуется, что мужики виноваты, а сама даже причесаться не может по-человечески.

– Позже, он стал чаще выпивать, – продолжала Катя. – Из-за этого резко испортились отношения. Много раз искала его по ночам. Когда находила пьяного, притягивала домой. Это было ужасно.

– Не понятно, почему он пил? Сначала ведь все хорошо было. Почему пристрастился? – пытался я докопаться до сути.

– В том и дело, что он был идеальным мужем – делал сюрпризы, во всем помогал. Когда родился Максим, как лучший отец, он заботился о нас. Стирал пеленки, укачивал малого, чтобы я больше отдыхала. Моему восторгу не было предела, что рядом такой замечательный человек. Но что-то пошло не так, и он выдохся, стал абсолютной противоположностью. Я думаю, сыграло влияние матери и плохие гены – она же пьяница.

В этой истории, что-то упущено.

Ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то винил себя и говорил: «Это я виновата, что муж пьет, он ревнивый, а я люблю задом покрутить».

Машка внимательно слушала. За время рассказа ее лицо смягчилось, щеки порозовели, даже тень улыбки появилась на губах. Думаю, теперь она радовалась, что ее положение не самое плохое.

– Все произошло внезапно, резко. Хороший муж превратился в чудовище. Как будто, кто-то чужой принял облик Сережи.

– Должна ж быть причина? – не унимался я, и подумал, *как такой милый ботаник может быть чудовищем.*

– Ну, я не знаю! Я работала, Максим остался у него на руках, с тех пор началась невыносимая жизнь. Я думала он, наоборот, обрадуется сыну, поначалу так и было. Но потом бесконечные сцены ревности, постоянные пьянки с друзьями, придирки и скандалы доводили меня до истерики. Позже обнаружила пропажу золота, которое мы с ним зарабатывали в Чехии. Я была настолько поражена, когда узнала, что все золото оказалось в ломбарде. – Она досадно вздохнула. – Сколько труда и времени положено. Как трудно нам давалась эта роскошь.

Было видно, что Катя по-настоящему задета. Но не понятно, от поведения мужа или от пропажи золота.

– Может ты давала повод на мерзкое поведение? – как следователь, я пытался выяснить причины. Или мне просто надоело, что винят постоянно одних мужиков.

– Вечные подозрения в измене. А я работала, как проклятая.

Струнки нервов натягивались, каждая фраза звучала волнительно, и звенела, как удар молота о наковальню. Я поверил ей. Чувство обиды заблестело в ее глазах.

– Он пил словно одержимый. Куда пропал тот человек, за которого я выходила?! – Ее губы сжались, а дуги бровей опустились вниз, на лбу сформировались три морщинки. – Ему хватило совести... Хотя какая там совесть, – Катя, будто рассуждая сама с собой, – Пенсионная карточка моей бабушки, загадочным образом оказалась пустой. Представляете, – она взмахнула руками, – до чего он дошел. Это был предел – грань, переступив которую, я не смогла простить. Естественно, он отрицал, что взял деньги, но потом признался. Как такое вообще можно вытерпеть, когда родной человек ворует у тебя под носом. То была последняя капля. Я не могла больше закрывать глаза, смиряться. Сорок тысяч на золоте я простила, но воровство у бабушки, которая его обстирывала и кормила, простить не в силах.

В застывшем, опущенном взгляде читалась непосильная борьба. Она согнулась, словно острая боль разила ее маленькое сердце. От этого вида даже мне стало не по себе. Я представлял до мелочей, все, что она сказала. И не мог понять его мотива. Жить с такой красавицей и тратить время на друзей?

– Почему ты не разойдешься с ним? – осторожно спросил я. Вопросительный взгляд Маши сменился ожиданием.

– Он не живет с нами. Я думаю разводиться. – Тяжесть в ее голосе прошла, сменившись облегчением.

Смешанные чувства жалости и обиды за несправедливость побуждали приласкать и утешить. Хотелось ее защитить, и обнять нежные плечики. Я чувствовал, как возбужденное сердце гремит, словно барабан в пустой пещере. Мне казалось, я понимал ее, как ни кто другой и готов был сделать все, лишь бы стереть грусть с лица кассирши.

Теперь моя очередь рассказывать плаксивую историю, таких накопилось много, только желания не было выглядеть жалким и раненым.

Девочки выпили и добрые позитивные улыбки вернулись. Время близилось к полуночи.

– Да девчата, любовные дела не простые – это великий труд. – Я настраивался поучительно говорить, мысленно подбирая слова. – Мне кажется отношения – как сад. Всем известно, что за ним требуется уход. Если не поливать, не вырывать сорняки и не подрезать ветки, буквально через месяц он зарастет бурьяном. Через год, там будет трудно пройти. Через несколько лет, многие ветки засохнут, поэтому деревья будут давать слабый урожай.

Я машинально сел на спинку стула, даже не заметив когда это сделал. И как бы с возвышенности лил философские речи. Гости внимательно слушали, улавливая что-то важное.

– Думаю так и в жизни. Не уделил внимание, не проявил заботу, ждать в таком случае нечего. Тут, наверное, подходит слово дисциплина, постоянная работа.

Я сполз со спинки и широко улыбнулся, довольный вдохновенным рассказом. Девчата одобрительно кивали.

– Наверное, ты прав. Но должны работать всегда двое, – подытожила Катя.

Глаза тяжелели и закрывались, я старательно подавлял сладкую зевоту. На часах черными палочками сложились три цифры 0:50.

– Ну и ну, как быстро пролетел вечер, – словно фильм в перемотке, думал я. – Вы меня извините, не хочется заканчивать такой восхитительный вечер, но давайте потихонечку собираться. Вам десять минут хватит? Я невероятно хочу спать.

Они одарили холодным, как мрамор взглядом и молча стали убирать со стола. Водка, почти не тронутая, вернулась в тумбочку под телевизор. Машка инициативно вымыла посуду, протерла стол. *Вот хозяйка хорошая.* Какое-то время наблюдал за движениями крупной девушки. Но упрямо, ничего не мог найти близкого, привлекающего. Наоборот, я испытывал отвращение. Предо мной мыла посуду несчастная тетенька с не уравновешенным характером. Я не мог представить вместе ни одно дня. Это не мой сад!

Меня терзала мысль, что я потешаюсь над бедной девочкой, лишь используя в своих целях. Ей тяжело, наверное, видеть, что она мне безразлична. Нельзя без любви быть с человеком, это равносильно пытке.

Нужно было проводить Машку домой. Веселость и задор погасли, как свеча. Предстоял непростой разговор. Я знал, что сегодня сделаю очень больно.

Глава 4

Хлопнула дверь. Тоннель мрачного подъезда провел нас вниз. Ночь была прохладной и сырой, как мои чувства. Мы вышли за угол дома и по диагонали направились прямо к стадиону. Кое-где светились желтые квадраты окон, а ветер, словно веером обдувал лицо. Машка, что-то энергично рассказывала, пытаюсь меня заинтересовать, впритык сверля глазами. К бесовственному сожалению, я совсем ее не слушал.

Позади нас, послышалось приближение чьих-то торопливых шагов. Мы обернулись. Белея кроссовками, и с сигаретой в руке угадывался знакомый силуэт. Она неспешно шла к нам.

– Катя, ты с нами собралась? – спросил я и подумал, чего это она увязалась? Может быть, что-то забыла.

– Нет, я прогуливаюсь. Люблю походить вокруг дома, – ответила соседка.

И часто ты так прогуливаешься в час ночи.

Она стояла метрах в четырех от нас, будто ожидая приглашения. И я позвал бы, но впереди ждал неприятный разговор.

– Долго не гуляй, ночь уже.

Я ощущал, что она смотрит на меня, хотя и не видел глаз. *Останься с ней*, шептал внутренний голос. *Подойди к ней и оставайся*. Мне казалось, я сделал полшага в направлении Кати.

– Мы пошли. Спокойной ночи, – пальнула Машка. Ее рука сдавила предплечье.

– Пока.

Катя осталась стоять на полусогнутой ноге, потягивая табачную палочку.

Шаг за шагом, мы приближались к Машкиному дому. Разбитая дорога подвела к кирпичному девятиэтажному дому. Именно к тому, где я провел полжизни, обрастая мужеством, бегая за девчонками. Около которого, еще вчера сидел с Юлькой и Ситой. Я, усмехнувшись, подумал, что половина моих девушек именно отсюда, другая половина с соседнего дома.

Мы остановились на углу, не подходя к подъезду. Нас теснила безобразно раскопанная яма и гора земли. Очищенная труба, проходящая под землей, напоминала зарытую ракету.

– Маш, я хотел поговорить.

– О чем? – неловко улыбнувшись, спросила она.

– О нас с тобой.

Было трудно начинать, ведь так или иначе я сделаю больно. Растопчу каблуком сердце и забуду как что-то совсем пустое и неважное. Трудно скрывать отрицательный настрой. Она это почувствовала и торопливо затараторила:

– Ром, я хочу быть с тобой. Мне очень хорошо рядом, у нас все получится...

Мой вид говорил обратное. Она начинала захлебываться в признаниях.

– Остановись. Успокойся. Послушай меня, – изо рта шел пар, сопровождая каждое слово.

Сейчас я должен сказать самое главное.

Желудок словно замерз от волнения.

– Ты хорошая девчонка, но мы не можем быть вместе, – решившись, наконец, сказал я. – Мы разные. И самое ужасное то, что я не испытываю того, что ты. Мне больно об это говорить, но прости меня.

Что ж я натворил! Ради двух сладких моментов уничтожил наивную душу, растоптал теплые чувства и отнял надежду. Словно глыбы камней свалились на душу.

– Мне очень жаль! Прости.

Недвижимый суровый взгляд пробивал меня насквозь. Глаза ее заблестели, а голос задрожал.

– Но почему? Нам же было хорошо вдвоем, – первая капля скатилась по щеке. – Я тебя люблю! И всегда любила.

От этих слов мое сердце словно поразили копьем.

– Это я ждала тебя из армии. Я так скучала. Ты не представляешь, как было тяжело, и не знаешь, как делаешь больно. Ты мне нужен...

Словно градом обрушивались признания. Желудок сжался до размеров грецкого ореха. Жалость к Машке, как кислота разъедала нутро. Я её обнял так крепко, как только мог.

– Я виноват перед тобой, но врать нет сил. Пойми, пожалуйста. Прости. Прости меня.

Тело ее вздрагивало. Она периодически всхлипывала, сильнее прижимаясь грудью. Через пару минут ее руки ощутимо ослабли. Белыми, сухими губами, она приблизилась к уху и произнесла:

– Последнюю ночь! – напряжение в голосе исчезло, спокойно и тихо Машка повторила. – Еще одну ночь!

Впервые, девушка просила последней ночи. Мне стало не по себе, словно я ощутил всю грязь безнравственно поступка. Отвращение было столь велико, что даже не понимал его истоков. Будто мне предложили съесть дохлую кошку, а не заняться сексом. Во мне что-то поменялось после армии, преград ни каких не было. Это у нее должно быть отвращение ко мне, потому что я подонок, воспользовавшийся несчастной. А теперь она мне не нужна, как одноразовый пластиковый стаканчик.

– Давай не будем усугублять. Будет только тяжелее.

Маша прыснула слезами.

– Пожалуйста, успокойся. Мне трудно все это говорить. Я прошу.

Возникла пауза. Я ощутил теплое прикосновение мягких губ. Отдаленный аромат парфюма приятно пьянил. На миг даже вспыхнуло возбуждение. Но поцелуй был пустой, бесстрастный, холодный как глыба гранита.

– Маш, иди домой. И не держи зла, если сможешь.

Презрение к самому себе росло, как грибы. Она смотрела влажными глазами и, наверное, думала какая я сволочь. Но её взгляд был переполнен теплом.

– Не уходи... поцелуй. Последний.

Когда все кончилось, я ушел, оставив после себя руины. Мне было больно, потому что больно было ей. Еще одна трагедия на моем счету, еще одно разбитое сердечко.

Я уходил с мерзким ощущением предательства, будто не оправдал чьих-то надежд. Какая-то часть меня кричала и судорожно избивала сердце, оставляя отметины, раны, которые будут напоминать о том, кто я в действительности. Но отдаляясь с каждым шагом, я словно выплывал из пучины, все больше мечтая о незнакомке по соседству. Я устремился к наслаждениям, совсем не ведая, что делаю только хуже.

Вечером следующего дня я собрался выйти на прогулку. Точнее хотел под любым предлогом встретиться с соседкой. Ее номер телефона значился под именем «Катя 33». Нужно придумать повод, чтобы позвонить. Разве что позвать покурить... или позвать на чай. Только теперь совсем одну, и ни кто нам не помешает.

Темные улочки прямой линией вели к 33-му дому. Путь лежал мимо школы номер девять, мимо мусорной свалки, возле которой белели перемешанные кучи, разбросанная бумага и памперсы. Две трубы теплотрассы проходили по самой поверхности диаметром в полметра. Они шипели паром, создавая влажную белую завесу.

«Привет! Выходи, покурим, если не занята» – написал я смс на ходу. Не прошло и минуты, как последовал ответ: «Привет. А ты что, здесь?». Я вошел в квартиру, прежде чем ответил: «Да, я тут. Если выйдешь, постучи».

Забавно, как это живя бок о бок, мы ни разу не пересеклись?! Хотя смутно помню один случай. Худенькая, чернявая девчужка, в старом, салатовом халате, стояла в подъезде с сигаретой. Она просила подкурить, когда мы поднялись на четвертый этаж. *Интересно, почему она не вернулась за спичками в дом. Или она вышла именно в тот момент, когда мы поднимались, и поняла, что не взяла с собой огня.* Тогда, я не обратил особого внимания. Замужняя девушка с хвостом на голове и все.

Теперь, после короткого общения, она вызывала живой интерес. Катя грамотно строила фразы, красиво высказывалась, ее тело было пластичным и подтянутым. Казалось, она знала, как должна выглядеть девушка, и выглядела именно так. На лице читались игривые, похотливые тени, которые заманили не одного в свои сети. Она была маленькой, но создавала впечатление охотницы. Меня манила незримая, сладчайшая энергия. Она будто источала флюиды, влекущие как зов страсти. Словно в ней заточена вся сексуальность мира. Ее скрытый взгляд таил массу загадок. Внутренний голос подсказывал, что в тайнах мало хорошего, ведь поэтому их и скрывают.

Долго ждать не пришлось. Кто-то аккуратно стукнул в дверь. На пороге возникла Катя в том же салатовом халате, который я видел несколько лет назад. Сверху наброшена курточка с розовыми вставками. Волосы в хвосте, а руки поджаты к груди.

– Привет. Ты что замерзла? Проходи, – пригласил я. – Чай будешь?

– Привет. Ага, буду.

Поставив протекающий чайник на платформу, закурил. Гостья сделала то же. Сегодня у нее какой-то холодный вид, немного туманный.

– Как выходные? – глядя вдаль спросил я.

– Ой... – словно задумавшись о чем-то, встрепенулась она. – Я хоть выпалась. Целый день отдыхала. А ты зачем пришел?

Вообще-то с тобой увидеться, мысленно проговорил я и ответил:

– Нужно кое-что забрать.

Катя слабо улыбнулась. Мы синхронно выпускали струи дыма. Чайник разрядил тишину громким урчанием, и я залил заварку кипятком. Две чашки парящего чая дожидались нас. Катя села к стене, справа от стола и потянулась худенькой ручкой за чашкой. Некоторое время просто грела ладони.

Мы беседовали на общие темы: о работе, погоде, жизни. С такой легкостью, словно встречались уже много десятков раз. Я любовался Катей, как искусно нарисованной картиной. Мне казалось, я знаю ее очень давно.

Звонок мобильного нарушил цепочку мыслей. Катя резко подняла трубку и сразу начала огрызаться. Ее голос звучал раздраженно и грубо, не так как она обычно разговаривала. Было понятно, что звонил муж и что-то хамил в ответ. Коротко ответив, Катя бросила трубку.

– Извини, – сказала гостья и спрятала телефон в карман.

– Ничего! Что-то произошло?

– Нет. Просто муж с ума сходит. Найти меня не может.

– Ему что-то нужно?

– Угу. Спрашивает, куда я пропала. Только была и куда-то делась.

– Он дома у тебя что ли? – немного напрягаясь, спросил я. Не очень-то хотелось сталкиваться с мужем. Подумает, что я клеюсь к его жене, но ведь этого еще не произошло.

– Да. К малому пришел.

Странно, оставила мужа с ребенком, а сама улизнула на чай в соседскую квартиру. Мало ли что может вообразить супруг, еще разбираться придет. Дело пахнет керосином.

– Как-то некрасиво получилось. Еще не хватало, чтобы я был причиной раздора, – с деланным беспокойством, сказал я.

– Не переживай, все уже разрушено.

И чтобы совсем не вызывать подозрений, я предложил позвать его к нам.

– Пусть приходит, если хочет. Чай попьем, а то неудобно как-то, – я поморщился, как бы смутившись.

Предложение Кате понравилось, и она тут же набрала мужа, через минуту он появился на пороге.

– Заходи, – я протянул ему руку и представился, – Роман.

Он пожал руку и сказал, что зовут Сергеем. Выглядел муж добродушно, коротко улыбаясь, словно пришел в гости к старому другу.

– Чай будешь? – предложил я.

– Не откажусь.

Скинул куртку и сел за другой конец стола от жены. Белая рубашка, черные брюки, носки без дырок – опрятный вид, на алкоголика совсем не похож, скорее на примерного ученика. Сергей вел себя культурно, взвешивая слова. На жену смотрел как на подружку.

Я подал горячий чай, третьей чашки не было, поэтому пришлось налить в стакан из тонкого стекла. Мы обменялись повседневными вопросами, кто, где работает, чем занимается. Катя заерзала, явно испытывая какие-то неудобства, время от времени поддергивая супруга. Он соответственно, отвечал. Зарождалась маленькая семейная ссора. Ничего не оставалось, как терпеливо слушать.

– Надеюсь, не я стал причиной ваших разногласий? – вмешался я.

Не могу переносить выяснения отношений. Тем более, если я хоть как-то к ним причастен.

– Конечно, нет. Издержки совместной жизни, так сказать, – отшутился Сергей. Было видно, как он перекипает внутри от возмущения, но сдерживается.

– Тогда предлагаю перекурить.

Они согласились и пошли вслед за мной.

Я сел напротив балконной двери, чтобы наблюдать за парочкой. Они буркали друг на друга, но в моем присутствии не во всю силу, как бы шепотом.

Мое свидание на сегодня кончилось, наверное, не судьба. Зато муж теперь знает, кому морду бить в случае чего. Далеко ходить не надо, соседняя дверь.

Катя выглядела расстроенной, как подвявший цветок, а Серега напряженно играл скулами. Наверное, непросто совладать со жгучим характером жены. Мы покурили и, чтобы не продлевать неловкую встречу, я объявил:

– Дорогие гости! – как интеллигенция девятнадцатого века. – Не сердитесь, но мне пора уходить. Был рад пообщаться ближе. И наконец, познакомиться, – с подобием дружелюбной улыбки, сказал я.

– Нам тоже пора. Спасибо за чай.

Супруги накинули куртки, не застегивая, и направились к выходу.

– Всего доброго! – Пожал руку Сергей.

– Пока. – С опущенными глазами проговорила Катя.

– Счастливо, – попрощался я и закрыл за ними дверь.

Несколько минут просидел в застывшей позе с какой-то отстраненностью. На заднем плане музыкальный канал менял клипы один за другим. И что-то было нужно от соседки, не смотря на множество преград. Теперь и муж будет подозревать. И вообще, как неудобно все-таки быть соседями по лестничной клетке. Еще и ребенок у нее! Но здравый смысл не мог одолеть слепое влечение, он будто куда-то исчез. Я не переставал думать о Кате.

Глава 5

Когда я начинал с кем-нибудь встречаться, мама скрупулезно приглядывается к потенциальным невесткам. Уровень подозрительности сразу увеличивается в несколько раз, и претендентка проходит тщательный анализ, чтоб не доверять своего золотого сыночка, кому попало. Иногда бывают из-за этого конфликты. Особенно в моменты уныния, моего уныния. Странно, но мама будто чувствует мой настрой. Наверное, существуют невидимые нити сопричастности, другого объяснения нет. Мама словно исполняет роль щита, оберегая единственного сына от бед, как квочка цыплят.

Однажды вечером мама сказала:

– Будь осторожен, – словно предчувствуя опасность. – Не спеши открываться. Присмотрись.

Я, наверное, как всегда сказал: «Да, да, мам», а сам мысленно махнул рукой, ведь я же самый умный. Бывает, раздражаюсь на мамину заботу, а через пару месяцев убеждаюсь в ее правоте.

Замужняя соседка, хоть и покрыта мраком проблем, все больше вызывала интерес. На следующий день или через день, мы запланировали встречу снова. Удобно жить по соседству (с одной стороны), далеко ходить не надо.

Как только появилась Катя, все внимание сфокусировалось на ней. Сердце забилось в новом ритме. Даже друзья заметили изменения. Подшучивают и задают пошлые вопросы. Зато, я счастлив и улыбаюсь, как идиот. А ведь, правда, когда еще я был так рад.

Начало двадцатых чисел ноября. Мы стояли на пороге зимы. Дни становились короче, а вечера длиннее. Морозные и темные, словно выгоняли с улиц людей.

В районе шести часов под предлогом чаепития, мы встретились снова. Рандеву наедине свершилось. Чувства обострились, и я жадно впитывал каждый жест, каждую мелочь. На этот раз Катя уделила особое внимание внешнему виду. Слегка подкрашенные глаза, аккуратно выделенные тонкой черной линией. Губы поблескивали на свету розовым оттенком. Черные гладкие волосы, словно глянец разливались на голове. Футболка с длинными рукавами и обтягивающие черные штаны, объемно подчеркивали фигуру. Она села сбоку стола, а я выдвинул стул посередине комнаты и расположился в метре от нее. Вечер начался с кружки горячего чая. Впрочем, это уже традиция.

– Окно для нищих включать будем? – спросил я.

– Чего включать?

– Ну, телевизор включить?

– Ха-ха, ты так его называешь, – она засмеялась. – Включай, пусть болтает на заднем фоне.

Музыкальный канал снова воспроизводил современный репертуар клипов.

Мы узнавали друг друга. Я смотрел на Катю так, словно проваливался глазами. Каждый ее рассказ вызывал лавину вдохновения. Она будоражила грациозностью движений и прогнунтой осанкой. В упругом и энергичном теле таилась кошачья натура, готовая в любое мгновение выйти наружу.

– Хотела спросить. Как у вас с Машей?

– Никак, – моментально и безвкусно ответил я.

– В смысле? Все же хорошо было, – и от удивления вытянулась вперед.

– В самом прямом смысле. Все быстро заканчивается, – так же без интереса отвечал я.

– Что-то произошло?

– Ничего особенного. Просто я ее не люблю.

– Хм. Неожиданно. И как ты об этом сказал? – с растущим интересом спросила Катя.

– Прямо в лицо, – с нажимом сказал я.

– Сказал, что не любишь ее?

– Да так и сказал. Точнее культурно объяснил...

– Ты жестокий, – констатировала она.

Не то слово соседка, я просто ужасен. Только Маша теперь меня не интересуется, а вот ты, да.

Мысленно строил предложения как кирпичную кладку.

– Вы с Машкой подруги? – спросил я черствым тоном, словно вовсе не хотел спрашивать.

– Не совсем хорошие. Так, – она покрутила рукой, немного помолчав. – Всегда была рядом, поддерживала меня, когда с мужем возникли проблемы. Маша про тебя много рассказывала, точнее все уши прожужжала. Говорила, что у вас любовь, чуть не до свадьбы.

Могу себе представить, какая гримаса отразилась у меня на лице. Я просто молчал. Мое выражение все сказало без слов.

– А еще Маша говорила, – продолжала Катя, – что ты хорошо целуешься, – она акцентировала внимание на последнем слове.

– Не знаю, с чего Машка все это придумала. Тем более свадьба... Мы только один раз встретились перед поездкой в Россию и две после. Мне кажется странным, на что-то такое рассчитывать.

Хотя бы меня посвятила в свои планы, неординарная женщина!

– Ты же сама видишь, – обратился я к Кате, – Машка немного странноватая, неуравновешенная, у нее трудная жизнь. – И подумал, «у кого она сейчас простая».

Она искоса глядела с тенью опаски, будто ситуация с Машкой напрямую касалась ее интересов. Словно угадывая, мог бы я так же поступить с ней.

– Лучше расскажи ты. Как с мужем дела? Я не повредил отношения между вами? – старался плавно перевести тему.

Ни одной жилки не дернулось на безупречном лице. С гранитным холодом она ответила:

– Нашим отношениям ничего уже не повредит, потому что их нет. Только ребенок нас связывает, – твердо и без интереса ответила она.

– Он пытается наладить контакт?

– Он да – я нет! – так же холодно отвечала она, как и я отзывался про Машку. – Не хочу ничего общего с этим человеком. Слишком много нервов, слишком много терпения... – ее щеки вспыхнули румянцем. – До сих пор думаю, как не разглядела Сережу раньше, ведь он был совсем иным. – Тут мне показалось, что она стала нежнее, словно вспомнила что-то приятное.

– По виду не скажешь, что он такой уж плохой, – сказал я.

– Когда трезвый, да. Плюс, ты – не знакомый человек. На людях он хороший.

Катя – красивая девушка. Серега – нормальный парень. Оба полноценные, здоровые. Любили друг друга. Какая причина тотального непонимания? Ребенок маленький родился. Сын, наследник. Чего ж не хватало? Холодные мысли как ледяные стрелы, ранили мой ум. Почему так трудно создать семью? От чего распадаются молодые пары? И почему всегда страдают дети?

Мои наблюдения со стороны сложились в объективное мнение. Сразу видно Катино превосходство над Сергеем. Её поведение, движения, манера говорить подчеркивают главенствующую позицию. Думаю так и в семье, все крупные решения принимала она. Можно предположить, что своим величественным поведением был спровоцирован разлад. Хотя предо мной сидела миниатюрная девушка. И не скажешь, что она может сделать что-то плохое. От нее исходило потрясающе теплое веяние, как от доброй феи. Хотя война в «Трое» тоже началась из-за женщины, прекрасной Елены.

– И что ты собираешься делать? У вас же ребенок!

– С ним я точно не буду. Обойдемся без него. – Непроницаемая маска умиротворения вернулась на Катино лицо.

– Сколько ж вы прожили вместе?

– Восемь лет.

– Ого! – удивился я. – Приличный срок.

– Потраченное время жалко, – явно раздраженная сказала она.

В районе легких чувствовались позывы. Странная жажда, но не воды или пищи, просто пора выкурить по сигарете. Жестом, приблизив два пальца к губам, я предложил перекурить. Она кивнула, и мы пошли к балкону. Распахнув дверь, шагнул на лоджию. В футболке было прохладно, но не сильно.

– Замерзнешь, – с заботой сказала она, высунувшись наружу, выдыхая серый дым.

– Не переживай, – с улыбкой произнес я.

В холодном воздухе едко пахло табачным дымом. Кожа на руках стала гусиной. Захотелось обняться и согреться.

– Где ты училась?

– В Луганском техникуме, на бухгалтера.

Два красных уголька полетели с балкона один ниже другого. Я захлопнул пластиковую дверь и, поджав плечи, направился в теплый зал, потирая руки. Крупный глоток еле теплого чая смыл горечь во рту. Маленькие ушки Кати пылали темно-розовым жаром.

– Мы жили и работали в Луганске, – продолжала рассказ Катя. – Даже когда жили здесь, я там работала. А сейчас пришлось идти в АТБ, другого варианта пока нет... Зазвонил телефон. Она подняла трубку, и полминуты с чем-то соглашалась. Я пристально наблюдал за пухлыми

губами. Обворожительные черты еще больше стали привлекательными, когда она улыбнулась и положила трубку.

– Зарплату дают. Нужно срочно идти получать.

Время клонилось к восьми.

– Вечер удался замечательный, жаль снова короткий, – сказал я улыбаясь.

Ее глазки заблестели, и она счастливо сказала:

– Наш вечер еще не окончен. Как только я освобожусь, мы сразу продолжим. Ты не занят будешь?

Конечно, не занят, даже еще свободнее, чем сейчас.

– Если буду, то освобожусь. Звони мне, как только будешь готова прийти. Встретимся на этом же месте.

– Хорошо, – кокетливо ответила Катя.

Только прощального поцелуя не хватало.

Провел гостью взглядом к выходу и засобирился сам. Накинул куртку, жикнул молнией, дверь скрипнула, и, Катя скользнула в подъезд. Я клацнул клавишей выключателя, свет погас.

Мама чем-то занималась поздним вечером. Неугомонная хозяйка частенько любила что-нибудь приготовить перед сном. А я любил посекретничать в стенах уютной кухоньки.

Словно на гребне счастья, я восхвалял нашу соседку, как принцессу вдохновенным рассказом.

Телефон затрещал от вибрации, а тумбочка, на которой он лежал, усилила неприятный звук. Без сомнений, только один человек мог написать.

«Я вернулась. Ты придешь?» – гласили две короткие строчки на дисплее. И сразу ответил: «Скоро буду. Минут через десять».

– Ром, ты не забыл, что мы завтра на рынок едем? – серьезно спросила мама.

– Мам, конечно помню. Если что, разбуди меня. Я убежал. Спокойной ночи!

– Недолго, сынок. Спокойной ночи!

Я пулей вылетел на улицу. Время близилось к одиннадцати. Несмотря на поздний час, чувствовал бодрость. За пять минут, широкими шагами, достиг тридцать третьего дома.

«Я на месте. Дверь открыта» – полетела смс.

Не буду звонить, вдруг малой спит. Частенько она его бросает.

Прохладный дух улицы вошел вместе со мной в квартиру. Не торопясь, я скинул куртку и подошел к балкону, и как замороженный, глядел на смоляной горизонт. Соседская дверь глухо хлопнула, а через пять секунд щелкнула моя. Я уже стоял в проеме встречать позднюю гостью. Она показалась еще милее, подогретая ожиданием. Предложил чай и пошел ставить воду.

– Что-то долго ты пробыла. Думал не придешь уже.

– У нас как всегда дурдом на работе. Даже рассказывать не хочу, – тень улыбки затаилась на губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.